

Научная статья

УДК 85.103(3)

DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-89-101

Семантика атрибутов японской буддийской скульптуры

Юрий Леонидович Кужель ¹

Татьяна Иосифовна Бреславец ²

¹ Московский государственный университет спорта и туризма
Москва, Россия

² Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия

¹ korkyr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7908-8978>

² breslavets.ti@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5836-1747>

Аннотация

Статья посвящена описанию и анализу иконографических элементов, присущих буддийской культовой скульптуре. В данной работе их набор ограничивается теми атрибутами, которые божества держат в руках, а также коронами, венчающими головы божеств. Предметы, которыми наделены буддийские божества, в целом остаются неизменными. Как символы, благодаря которым образы божеств воспринимаются адептами веры, они способствуют рождению соответствующих ассоциаций. Воплощенные в буддийской скульптуре со свойственной им семантикой, атрибуты в качестве конвенционального образа помогают понять сущность учения Будды. Религиозное и эстетическое слились воедино в творениях выдающихся мастеров, которые уделили внимание иконографическим деталям, придав им художественную выразительность. В буддийской скульптуре используются символы с устоявшимися традиционными значениями – религиозные ценности, которые стали общекультурными. Смысловая структура символа апеллирует к опыту и знаниям прихожанина в храме или посетителя в музее, углубляя и расширяя его духовное и ментальное пространство. Этому способствует канонизированная система изобразительного языка, сложившаяся в течение веков.

Ключевые слова

атрибут, корона, символ, знак, скульптура, Будда, бодхисаттва

Для цитирования

Кужель Ю. Л., Бреславец Т. И. Семантика атрибутов японской буддийской скульптуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 10: Востоковедение. С. 89–101. DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-89-101

Semantics of Attributes of Japanese Buddhist Sculpture

Yurii L. Kuzhel ¹, Tatiana I. Breslavets ²

¹ Moscow State University for Sports and Tourism
Moscow, Russian Federation

² Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation

¹ korkyr@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7908-8978>

² breslavets.ti@dvfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5836-1747>

Abstract

The article is devoted to the description and analysis of some iconographic elements inherent in Buddhist cult sculpture, which made communication between a person and a deity possible. The set being analyzed in this article, which is distinguished by its diversity, is limited to attributes that the deities hold in their hands, as well as crowns crowning

the heads of deities, since they occupy a particularly important place in the structure of Buddhist iconography. The various identification marks endowed with Buddhist deities, in general, remain unchanged. As symbols, since images of deities are perceived by the adherents of the faith, they contribute to the birth of the corresponding associations. Embodied in Buddhist sculpture with their characteristic semantics, the attributes help to understand the essence of Buddha's teaching. Some objects are an information sign exclusively for a certain deity, others may belong to the subject environment of different deities. In the visual arts of Japan, the attributes of Buddhist sculpture have become a conventional image, contributing to the message of the versatility of Buddhist teaching, revealing its spiritual essence. Religious and aesthetic merged into one in the works of outstanding masters, who paid special attention to iconographic details, giving them artistic expressiveness. Buddhist sculpture uses symbols with well-established traditional meanings – religious values that have become common culture. The semantic structure of the symbol appeals to the experience and knowledge of a parishioner in a temple or a visitor in a museum, deepening and expanding his spiritual and mental space. This is facilitated by the canonized system of pictorial language that has developed over the centuries.

Keywords

attribute, crown, symbol, sign, sculpture, Buddha, Bodhisattva

For citation

Kuzhel Yu. L., Breslavets T. I. Semantics of attributes of Japanese Buddhist Sculpture. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2022, vol. 21, no. 10: Oriental Studies, pp. 89–101. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2022-21-10-89-101

Введение

Иконография японской буддийской скульптуры, впитавшая художественный, философский, этический опыт, космогонические представления разных народов стран Востока, сформировала сложный язык символов, проявившийся в пьедесталах, позах, жестах, атрибутах фигур и др. Расшифровка символов, постоянных спутников буддийской скульптуры, дает ключ к их пониманию. Складываясь в некий устойчивый образ в изобразительном искусстве Японии, они открывают сокровенное, способствуют погружению в тайны Истины, дают возможность постичь глубину и многогранность буддийского учения, всеислие которого транслируют. В основе символов лежит порыв передать суть веры, раскрыть возможность соединения с высшим духовным началом.

Разнообразные опознавательные знаки, которыми наделены буддийские божества, сохраняются неизменными, порождают определенные ассоциации. Изображения персонажей буддийского пантеона наделены определенными атрибутами, которые позволяют конкретизировать и персонифицировать божество и в символической форме указать его основные сакральные функции. Образы божеств часто распознаются благодаря символам.

В скульптуре предмет в руках 持物 *дзимоцу* играет роль постоянного признака божества и служит для его узнавания. Понимание сакрального смысла изображаемых предметов требует мыслительной работы, опоры на знания, глубокой веры и духовного опыта. Читать текст скульптуры можно при условии понимания «букв-знаков», в качестве которых выступают атрибуты в руках, а также короны 宝冠 *хо:кан*, или 天冠 *тэнкан*.

Целью исследования является углубление и расширение знаний о культовой буддийской скульптуре Японии через осознание иконографических деталей. Ставятся задачи выявить, понять и описать, какими средствами достигается их художественная выразительность, что впервые осуществляется в российском японоведении. Исследование построено с учетом опыта изучения буддийской скульптуры такими японскими авторами, как Сакураи Мэгуму, Сава Такааки, Кумада Юмико, Сэки Юдзи и др. При анализе используется комплексная система методов: семиотический, иконологический, типологический. Буддийская скульптура тесно связана с богатой символикой атрибутов, привнесенных из разных стран, которые помогают понять сущность учения Будды. Выработанная веками канонизированная система изобразительного языка, обогатившая скульптурные образы, способствовала установлению контакта с прихожанином, который, напряженно вглядываясь в объект поклонения, наполнялся духовной энергией.

Основные атрибуты в руках божеств

Атрибуты как невербальные аспекты образа варьируются от божества к божеству. Некоторые из них служат строго информационным знаком и соответствуют только определенному персонажу, как, например, горшочек со снадобьями от десяти тысяч болезней 藥壺 *якко* с ложечкой 匙 *садзи* – принадлежность будды-целителя Якуси¹ (рис. 1, 2). Другие предметы с разной степенью частотности могут сопутствовать разным божествам. Атрибуты группируются по разделам: собственно буддийские символы – колесо жизненной энергии (чакра), драгоценность *мани*, чаша подаяния *патра*, четки; далее, оружие, ритуальные предметы, музыкальные инструменты, растения, архитектурные строения, животные [Кравцова, 2010, с. 195].

Являясь важнейшим иконографическим элементом, колесо Закона (*дхармы*) 法輪 *хо:рин* (輪法 *ринпо:*) с восемью спицами символизирует восемь этапов Благородного восьмеричного Пути 八正 *хатисэй*. Оно может быть в руке, в центре короны, венчающей голову божества, чуть ниже нагрудного украшения 瓔珞 *ё:раку*, как у бодхисаттвы Одиннадцатиликой Каннон из храма Дайнитидзи на о. Сикоку, или на груди будды Дайнити из того же храма. Колесо Закона служит нимбом 輪宝光 *ринпо:ко:* небесного государя Бисямонтэн в храме Китидзё:дзи на о. Сикоку (рис. 1, 1) [Сакураи Мэгуму, 2008, с. 35, 67, 143] и четырех небесных царей (храм Ёсимидзудэра, преф. Сига), обод колес которых охвачен стилизованными сполохами огня [Тэн-но буцудзо:-но субэтэ, 2013, с. 42–43]. Колесо восходит к солярной символике, оно катится и уничтожает зло, разрушает невежество. Три части колеса – обод, спицы и ось соотносятся с духовной дисциплиной, мудростью и концентрацией.

Готовность будд и бодхисаттв внимать просьбам и мольбам живых существ демонстрирует драгоценность *мани*, или жемчужина исполнения желаний 如意輪 *нёйрин* (宝珠 *хо:дзю*). Иконографический образ *мани* соотносится с каплеобразным предметом, покоящимся на цветке лотоса, или шаром, наверху которого представляет собой стилизованные языки пламени, как у бодхисаттвы Дзидзо: из храма Тацуэдзи или у Дзидзо: из храма Синсё:дзи (оба на о. Сикоку) [Сакураи Мэгуму, 2008, с. 47, 61]. В буддийской иконографии драгоценность *мани* изображается как самостоятельно, так и лежащей на двух других. Один из «превращенных» образов 変化 *хэнгэ* Каннон так и называется бодхисаттва Каннон с жемчужиной исполнения желаний – Нёйрин Каннон (Осака, храм Кинсиндзи).

В буддийской традиции чаша-патра 鉢 *хати* (宝鉢 *хо:хацу*) для сбора подаяний символизирует добродетель, благой поступок человека, дающего милостыню, непривязанность к материальному. Она считается знаком высшей силы Будды, в ладонях которого напоминает о дарованном ему подношении. Бытовое предназначение патры – очищение кармы подающего, а глубинное – сосредоточение учения. В буддийской иконографии известна мудра 鉢印 *хатиин* (патра мудра), представляющая собой две параллельно направленные ладони, между которыми находится чаша для подаяния, как у Шакьямуни. У бодхисаттвы Каннон она лежит в ладонях двух рук [Сакураи Мэгуму, 2008, с. 183]. Один из десяти великих учеников Будды, известный как «хранитель закона» и составитель монашеских правил Убари, держит чашу в левой руке [Mori Hisashi, 1974, p. 115].

Свисающие с одной из рук бодхисаттвы четки 珠数 *дзюдзу* со 108-ю бусинами по числу мирских страстей и путей избавления от них символизируют «молитвенный подвиг», а также непрерывность и цикличность бытия. Они имеют древнеиндийские корни, применялись

¹ Существует редкое изображение Якуси с кистью винограда в левой руке вместо канонического горшочка со снадобьями. По преданию, святой Гё:ки (668–749) во время медитации в долине Хикава, в местечке Кацунума якобы получил от будды-целителя Якуси, внезапно представшего перед ним, виноград. Гё:ки вырезал из дерева скульптуру Якуси, которая сейчас находится в храме Дайдзэндзи (преф. Яманаси, Кацунума), относится к *хибуцу*, поскольку доступна для обозрения раз в пять лет, а сам храм еще называется Будо:дзи, т. е. храм винограда.

Рис. 1. Японские буддийские скульптуры с атрибутами:

1 – небесный государь Бисямонтэн с предстоящими, в качестве нимба – колесо закона, в правой руке – ваджра, в левой – жемчужина исполнения желаний, храм Китидзё:дзи, о. Сикоку; 2 – будда-целитель Якуси с горшочком для снадобий, храм Конготё:дзи, о. Сикоку; 3 – Тысячерукая Каннон с атрибутами в руках, храм Кумаданидзи, о. Сикоку; 4 – светлый царь Фудо:мё:о: с лассо кэнсаку, храм Гандзё:дзюин, преф. Сидзуока; 5 – будда-целитель Якуси с раковиной *хорагай*, храм О:кубодзи, о. Сикоку (1–3, 5 – по: [Сакураи Мэгуму, 2008, с. 25, 63, 143, 195]; 4 – по: [Mori Hisashi, 1974, p. 35])

Fig. 1. Japanese Buddhist Sculptures with attributes:

1 – heavenly Sovereign Bishamonten with the forthcoming, the Wheel of the Law – as a halo, in the right hand – a vajra, in the left – a pearl of wish fulfillment, Kichijōji Temple, Shikoku island; 2 – healing Buddha Yakushi with a potion pot, Kongochōji Temple, Shikoku island; 3 – Thousand-armed Kannon with attributes in her hands, temple of Kumadaniji, Shikoku island; 4 – light King Fudōmyōō with a lasso *kensaku*, Ganjōjuin Temple, pref. Shizuoka; 5 – healing Buddha Yakushi with *horagai* shell. Ōkuboji Temple, Shikoku island (1–3, 5 – as per: [Sakurai Megumu, 2008, p. 25, 63, 143, 195]; 4 – as per: [Mori Hisashi, 1974, p. 35])

в ритуально-церемониальной практике, служили атрибутом странствующих монахов и буддийских иерархов. Число бусин должно быть кратно девяти, т. е. 54, 27, 18; если бусин 32, то это число коррелирует с тридцатью двумя телесными признаками Будды. Девять знаменует число мирских страданий и количество путей их преодоления. Каждое число бусин в четках имеет разное сакральное значение, а внутренним стержнем является связывающая их нить.

Значимой культурной категорией в многообразии атрибутов стало оружие 武器 *буки*, которое в руках буддийских божеств приобрело символический смысл – мощь, а также мудрость, правосудие, очищение. Все виды оружия – алебарда 戟 *гэки*, копье 槍 *яри*, меч 宝剣 *хо:кэн*, боевой топорик, секира 斧 *оно* (鉞斧 *эффу, эппу*), лук 弓 *юми*, стрела 矢 *я*, пика 矛 *хоко* считались сакральными, обладающими магической энергией, поражающими силы тьмы, отсекающими мирские привязанности, сомнения и тревоги. Трезубец 三叉戟 *сансагэ-ки* – один из символов трех драгоценностей – Будда, учение и община олицетворяет просветление, перекликается с трехзубчатой ваджрой (см. далее). Оружие было окружено тайными представлениями о его сверхъестественности и воспринималось как феномен не столько материальной, сколько духовной культуры. Оно свидетельствует не о насилии, иначе возникло бы противоречие с религиозно-философской системой буддизма, но заявляет о победе учения над злом и невежеством. Оружие отсекает сомнения и разрушает узлы противоречий.

Палица-ваджра 金剛杖 *конго:сё:*, или 跋折羅 *басара*, как божественное оружие, извергающее молнии, происходит из области мифологических представлений о всемогуществе бога-громовержца, символизирует мужское начало, нерушимость, непобедимость, разрушает неведение и говорит о прочности буддийского учения². Иконографический тип ваджры представляет собой палицу, пучок молний, перехваченную посередине, с разнонаправленными зубцами – тремя 三剛杖 *санко:сё:* (разрушает «три яда» 三毒 *сандоку* – гнев, неведение, алчность, а также символизирует три таинства 三蜜 *саммицу*), четырьмя 四剛杖 *сико:сё:* (четыре благородные истины), а также пятью 五剛杖 *гоко:сё:* (пять мудростей) и редко девятью 九剛杖 *куко:сё:* (девятирица как высшая духовная мудрость образована умножением священного числа три само на себя; девять колец на шпилье, венчающем пагоду). Крестообразная ваджра 羯磨杖 *кацумасё:* указывает на распространение учения Будды на все стороны света, также символизирует единение трех таинств Будды и человека. Самый простой тип ваджры – однозубцовый 獨剛杖 *токкосё:* (*докко:сё:*) символизирует единую универсальную истину. Ваджра свидетельствует, что мудрость Будды тверда, как алмаз. Ее символизм многозначен: прочность, вечность, гармония, правосудие, разум и т. д. Ваджра – частый атрибут в руках светлых царей Гундаримё:о:, Конгоясямё:о:, Айдзэнмё:о: и др. [Мё:о:дзо:-но субэтэ, 2014, с. 13, 15, 19].

Из ритуальных предметов в буддийской иконографии присутствуют сосуд, мухогонка, веревка-лассо, курильница. Ваза-кувшин 水瓶 *суйбё:*, подобно другим сосудам, вмещает учение и трактуется как неиссякаемый источник изобилия, мудрости, желание выйти из бесконечного цикла перерождений и достичь просветления. Сосуд для чистой воды 澡瓶 *со:бё:* – частый атрибут в руках бодхисаттвы Каннон, символизирует ее способность утолять жажду всех живых существ, очистить их от загрязнений, смыть омрачения. Если наверху сосуда служит голова птицы Карура (Гаруда), то он трактуется как емкость для сокровищ и эликсиров 胡瓶 *кобё:*.

Наличие в руках божества мухогонки 払子 *хоссу* говорит о почитании буддийского Закона, устранении всех препятствий на пути к просветлению и проводит идею самоценности всего живого. Поскольку мухогонка делается из хвоста оленя, вожака стада, то она еще означает

² По преданию, бог Индра подарил Будде ваджру с открытыми острыми зубцами, торчащими с двух концов. Будда, согнув зубцы, продемонстрировал, что ваджра не оружие зла, а символ победы добра, борьбы с неведением. Визуально концы ваджры напоминают закрытые бутоны четырехлепесткового лотоса с зубцом в центре.

духовное лидерство Учителя, а также демонстрирует вечное милосердие Каннон (рис. 1, 3) [Нисимура Котё, Огава Кодзо, 2009, с. 41].

В буддизме с помощью лассо 罽索 *кэндзяку* (*кэнсаку*) живые существа освобождаются из мира страданий, и в то же время им нейтрализуются пороки, связываются силы зла, вытягиваются из беды люди. Скрученное из пяти разноцветных нитей (синей, желтой, красной, черной, белой), лассо заканчивается с одного конца ваджрой, с другого – кольцом и свешивается с левой руки светлого царя Фудо:мё:о: (рис. 1, 4). У Намикири Фудо:мё:о: (Разверзающий волны светлый царь Фудо:) из храма Сё:рю:дзи на о. Сикоку один конец лассо завершает драгоценность *мани*. Распространен вид лассо с кольцом с одного конца и разным количеством зубцов ваджры с другого. Сложное название бодхисаттвы Фукукэндзяку Каннон становится понятным, если знать значение слова *кэндзяку*. Наличие в одной из ее рук *кэндзяку* тоже говорит о возможности бодхисаттвы вытягивать живые существа из пучины бед [Kobayashi Takeshi, 1975, p. 61].

Музыкальная составляющая японской буддийской иконографии представлена не столь многообразно, как оружие. Но инструменты 楽器 *гакки* также наделены сакральной энергией, их звучание ассоциируется с гласом закона, они осуществляют «...подношение музыки для ублажения слуха <...> главного почитаемого божества, <...> устранения всех возможных негативных проявлений или защиты от них посредством гармонизации вибраций пространства» [Есипова, 2014, с. 230–231]. В музыкальной системе символов преобладают колокольчики, посох-погремушка, гонги [Mori Hisashi, 1974, p. 147] и собственно музыкальные инструменты. Колокольчик 五鈺鈴 *гокорин* в буддийской традиции одновременно и глас учения, разгоняющий невежество и зло, а также символ мимолетности и непостоянства: издаваемый звук не задерживается, а исчезает. Колокольчик олицетворяет мудрость (*праджня*). Сам колокольчик 金剛鈴 *конго:рэй* с ручкой-ваджрой символизирует женское начало, а пара вместе – единение мужской и женской ипостаси.

Божествами-охранителями, помощниками бодхисаттвы Тысячерукой Каннон в храме Сандзю:сангэндо: в Киото выступают Двадцать восемь стражей Нидзю:хатибусю:, и некоторые из них изображены с музыкальными инструментами. Позже добавились двое – бог-громовик Райдзин с обручем, на который нанизаны восемь барабанов 太鼓 *тайко*, и бог ветра Фу:дзин с мешком, наполненным ветром, который со звуком вырывается наружу. Государь Магоракао: из этой группы двадцати восьми стражей изображен с традиционным струнным инструментом 琵琶 *бива*, звуки которого льются с небес, государь Киннарао: – с барабанчиком (разновидность 鼓 *цудзуми*), суженным посередине, как песочные часы. Государь Карурао: играет на поперечной флейте 横笛 *ёкобуэ*, или драконовой флейте 竜笛 *рю:тэки*, звучание которой «символизирует дракона, парящего между небесным и земным мирами» [Есипова, 2018].

В буддийской традиции покровительница музыки Бэндзайтэн, другое имя Мё:онтэн, богиня чудесных звуков, предстает с бива, а если без него, то положение рук имитирует игру на этом инструменте. В японской музыкальной иконографии это, пожалуй, одно из самых впечатляющих и убедительных изображений божества с инструментом [Тэн-но буцудзо:-но субэтэ, 2013, с. 86].

В храме Бё:до:ин находятся скульптуры двадцати шести (всего 52) танцующих и играющих на музыкальных инструментах бива, 琴 *кото*, барабанчике, флейте грациозных небожителей, обвитых шарфами, украшенных драгоценными коронами и обрамленных нимбами в форме колец. Они в свободных позах расположились на стилизованных орнаментальных пьедесталах в виде облаков 雲座 *кумодза*. Сгруппированные вокруг сидящей скульптуры будды Амида музыканты олицетворяют Рай – Чистую землю Амида, наполненную божественной музыкой [Буцудзо: тампо:, 2011, с. 110].

Предмет буддийской иконографии – раковину из морского моллюска 法螺貝 *хорагай*, в которую трубили, как в трубу, держит в руках будда Якуси в храме О:кубодзи на о. Сикоку,

она же – один из атрибутов бодхисаттвы Каннон (рис. 1, 5) [Сакураи Мэгуму, 2008, с. 194–195]. Как сказано выше, обычно будда-целитель Якуси изображается с горшочком для снадобий. «Раковина Закона» имеет древнеиндийские корни и символизирует распространение учения Будды, его «голос», созывающий верующих. Раковина – символ, напоминающий о всеобъемлющем характере буддийского учения. Кроме того, звуки раковины изгоняют зло и привлекают добро.

Из растительных иконографических знаков самый распространенный – лотос 蓮華 *рэнгэ*, тянущийся к свету из мутной воды, но символизирующий чистоту помыслов, добродетели и совершенство божества. Цветок лотоса как показатель святости и сострадания чаще всего является атрибутом бодхисаттвы Каннон, которая известна еще под именем Государыня Лотоса (Рэнгэо:). Нераспустившийся цветок лотоса символизирует силу Каннон, которая способна его открыть, другими словами, передать всем закон Будды, трактуемый как процесс улучшения мира.

Редкие атрибуты

Курильница с длинной ручкой 柄頃 *эгоро*, предназначенная для ритуальных действий, не самый частый атрибут в руках персонажей. Исторически она в классическом виде, без ручки, является эмблемой Ангаджи, одного из шестнадцати архатов, достигших полного просветления.

«В силу своих чудесных качеств благовония стали одним из важнейших подношений буддийским божествам. Кроме того, их начали использовать в высокой речи при метафорической аргументации, они стали средством воспитания. Перед изображением Будды постоянно воскурляли благовонные свечи, сильный и густой аромат от которых символизировал бесконечное почтение людей к Будде и его учению» [Войтишек, Яо, 2018, с. 517].

Дзё:то: и Синьэй, два из шести патриархов Школы Хоссо:, живших в г. Нара (павильон Наньэндэ: в храме Ко:фукудзи), а также Фуруна (храм Дайхо:ондзи, округ Киото), один из десяти великих учеников Будды, держат в руках чаши на длинной ручке для воскурения благовоний (рис. 2, 1) [Кужель, 2018, с. 216; Нёрайдзо:-но субэтэ, 2013, с. 64]. С подобной курильницей изображен и принц Сё:току Тайси (574–621) в юношеском возрасте, предстающий в молении о быстром выздоровлении отца. Это так называемый образ 子養 *коё:* – выражение сыновней почитательности [Mori Hisashi, 1977, p. 71].

Свастика 法印 *хо:ин* (букв. «печать закона») у многоруких божеств, в частности Одиннадцати Тисячерукой Каннон из храма Кокубундзи на о. Сикоку, воспроизводит буддийский канон, уходящий корнями в древнеиндийскую традицию, где подобное изображение являлось солярным символом и связано с понятиями о щедрости и благопожелании. Кроме того, свастика – один из шестидесяти пяти знаков Будды, обнаруженных в отпечатке его стопы, может означать сакральное знание, учение Будды, движение, энергию вращения, бесконечного цикла существования, а в широком смысле – удачу, успех. Это знак власти и ответственности. Деформированное изображение свастики просматривается на большом пальце ступни будды-целителя Якуси среди других знаков доброй судьбы 隋証文 *дзуйсё:мон*.

В роли иконографических атрибутов выступают архитектурные сооружения: культовая пагода 宝塔 *хо:то:* (多宝塔 *тахэ:то:*), башня сокровищ как символ непоколебимости учения – в ладонях бодхисаттвы Мироку в храме Дзё:ракудзи на о. Сикоку (рис. 2, 2), а также в руке будды Якуси в храме Дзё:руридзи тоже на о. Сикоку [Сакураи Мэгуму, 2008, с. 37, 107]. Пагода символизирует отказ от искушений, а шпиль, венчающий ее, означает выход из круга земной жизни. Пагода имеет нечетное благопожелательное число ярусов. Дворец 宮殿 *кю:дэн* предстает как символическое здание, которое воплощает райскую обитель, «Чистую землю» и открывает свои двери сторонникам учения.

Рис. 2. Японские буддийские скульптуры с атрибутами:

1 – Синъэй, один из шести патриархов с курительницей *эгоро*, храм Ко:фукудзи, Нара; 2 – бодхисаттва Мироку с пагодой в ладонях, храм Дзё:ракудзи, о. Сикоку; 3 – Такими Каннон в короне, храм Сэйундзи, Йокосука; 4 – Шакьямуни в короне, храм Энгакудзи, Камакура; 5 – бодхисаттва Мондзю с мечом и лотосом в руках, корону украшают рельефы пяти будд, храм Мондзюин, Нара (1, 5 – по: [Mori Hisashi, 1974, p. 107, 121]; 2 – по: [Сакураи Мэгуму, 2008, с. 37]; 3 – URL: <https://kotobank.jp.> > word; 4 – URL: <https://www.yoritomo-japan.com/>)

Fig. 2. Japanese Buddhist Sculptures with attributes:

1 – Shin'ei, one of the six patriarchs with an egoro censer, Kōfukuji Temple, Nara; 2 – Bodhisattva Miroku holding a pagoda in his hands, Jōrakuji Temple, Shikoku island; 3 – Takimi Kannon with a crown, Seiunji Temple, Yokosuka; 4 – Shakyamuni with a crown, Engakuji Temple; 5 – Bodhisattva Monju with a sword and a lotus in his hands. The crown is decorated with reliefs of five Buddhas. Monjuin Temple, Nara (1, 5 – as per: [Mori Hisashi, 1974, p. 107, 121]; 2 – as per: [Sakurai Megumu, 2008, p. 37]; 3 – URL: <https://kotobank.jp.> > word; 4 – URL: <https://www.yoritomo-japan.com/>)

В руках бодхисаттвы Каннон можно обнаружить веточку-зубочистку из ароматного дерева ивы – 楊柳 *ё:рю:*, обладающую лечебным эффектом (одно из тридцати трех воплощений Каннон так и называется Ёрю: Каннон, избавляющая от недугов), а также драгоценную коробочку – хранилище знаний, свитков сутр 宝篋 *хо:кё:*, талисман 傍牌 *бо:хай*, изгоняющий зло, украшенный резными изображениями дракона и других мифических зверей. Два кольца 玉環 *гёкукан* трактуются или как вид украшений *ё:раку*, или как соединение души и духа. Кроме того, в богатой иконографии атрибутов Каннон появляются гроздь винограда – знак физического и нравственного здоровья 葡萄 *будо:* и череп на жезле 髑髏宝杖 *докуро хо:дзё:* – символ тщетности мирской суеты и смертности плоти. Одна из кистей руки Каннон 施無畏手 *сэмуисю* демонстрирует мудру бесстрашия 施無院印 *сэмуин*, а на ее ладони проступает изображение глаза [Нисимура Котё, Огава Кодзо, 2009, с. 41].

Из необычных атрибутов в иконографии скульптур встречаются игла 針 *хари* и нить 糸 *ито*, которыми обладает небесный государь Мариситэн из храма Токудайдзи (Токио). Считается, что иглой и нитью он зашивает рот и глаза злым людям [Тэн-но буцудзо:-но субэтэ, 2013, с. 118].

Короны буддийских божеств

Самые значительные буддийские божества изображаются в коронах *хо:кан*, которые являются важнейшими атрибутами, подчеркивающими их сановность, особую роль в иерархической структуре. Корона олицетворяет достоинство, избранность, величие, вознесенность над миром. В японской иконографии они венчают будду Амида, будду Дайнити, бодхисаттв Мироку, Кокудзо: и ряд других персонажей буддийского мира. Короны могут напоминать три горных пика 三山冠 *сандзанкан*, а также иметь форму высоких четырех- или шестигранных. Они покрывают всю голову, украшают только лобную часть головы или охватывают ее с трех сторон 三面頭飾 *саммэнто:сёку*. Основанием для короны служит художественно выполненный обруч 天冠台 *тэнкандай*, который у бодхисаттв Никко: и Гакко: декорирован соответственно символами солнца и луны.

В одной из самых первых триад Шахьямуни (623 г., храм Хо:рю:дзи, г. Нара) фигуры, фланкирующие Будду, увенчаны трехчастными бронзовыми коронами. Декором для обруча, синонимичного вечности, непрерывности, на котором держатся высокая средняя часть короны и ее крылья, послужил заимствованный из Китая растительный орнамент – 唐草文 *каракусамон* по названию растения *каракуса*, очертания которого он воспроизводит. Центральный сегмент короны, в отличие от крыльев в верхней части, украшен кругом с шестилепестковым лотосом. Пространство между средней и боковыми частями короны занимают драгоценности *мани*, которые усиливают значимость венца.

Ленты 冠帶 *кантай*, спускающиеся с крыльев корон до плеч, декорированы завитками. Иконографические мотивы в виде дисков и полумесяцев встречаются в короне будды Амида из алтаря Татибана. При этом в верхнюю часть по центру короны предстоящих бодхисаттв Сэйси и Каннон вставлены характерные для них атрибуты – соответственно в виде круглого сосуда *суйбё:* и фигурки 化仏 *кэбуцу* [Mizuno Seiichi, 1974, p. 130–131].

Бодхисаттва Каннон и ее миниатюрные варианты часто предстают увенчанными коронами. Известная своей красотой, изящностью, гибкостью стана, а также необычным нимбом Юмэдоно Каннон (храм Хо:рю:дзи, Нара) очаровывает выполненным в технике 透彫 *сукаси-бори* ажурным узором позолоченной бронзовой короны, что придает скульптуре особую торжественность. Металлическая основа короны связана со светом, солнцем, духовным просветлением. Закругленные линии тончайшей бронзовой филигрании короны, декорированной зелеными камнями и металлическими дисками, обрамленными проволокой, напоминают языки пламени. Лобовую ленту украшают пять четырехлепестковых цветов с сердцевинкой из

синего стекла. Такие же цветы рассеяны по всей поверхности короны и лентам, спускающимся с ее крыльев.

Небольшие размеры некоторых фигурок Каннон (высота от 26,5 до 61,5 см) не помешали мастерам увенчать их маленькие головки разнообразными коронами, которые демонстрируют высокое ювелирное искусство и особое положение бодхисаттвы. Среди них Сингай Каннон высотой 34,8 см, бодхисаттва Каннон – 26,6 см, бодхисаттва Каннон – 61,5 см и др. Бронзовая скульптура бодхисаттвы Каннон высотой 40,5 см, отлитая в 650 г. (храм Кансиндзи, г. Осака), самая великолепная из миниатюрных изображений этого божества [Mizuno Seiichi, 1974, p. 67]. Богатство трехчастной короны, в которой доминирует центральный сегмент в форме декорированного лепестка, боковые крылья короны с рельефным рисунком, имитирующим многолепестковые цветы лотоса, а также зернь лобового обруча и спускающиеся с крыльев ленты, по краям украшенные зернью, придают облику Каннон царское величие.

В период Камакура (1192–1133) короны Каннон стали более великолепными. В таких головных уборах предстают Суйгэцу Каннон (Наблюдающая за отражением луны в воде, храм То:кэйдзи, Камакура) и Такими Каннон (Каннон, любующаяся водопадом, храм Сэйундзи, Йокосука). Роскошь корон контрастирует с непринужденностью и естественностью поз бодхисаттв (рис. 2, 3).

Голову бодхисаттвы Мондзю венчает ажурная треугольная корона со спускающимися лентами [Mori Hisashi, 1974, p. 121]. Ее украшают высокие рельефы, изображающие сидящих на лotosовых тронах пять будд, обрамленных килевидными мандорлами (рис. 2, 5). Не менее впечатляет ажурная корона бодхисаттвы Мироку из павильона Самбо:ин храма Дайгодзи в Киото в форме высокого шестигранника, стороны которого украшены рельефом с изображением будд на лotosовых тронах³. Основанием короны служит широкий шестигранный обод, декорированный подвесками. Фигурки на короне перекликаются с рельефами девяти будд, расположенными по крайнему полю мандорлы. Орнамент золоченых корон, основанный на ритмах изогнутых линий, придает им царственную пышность. Весь комплекс изобразительных средств усиливает их декоративность [Ibid., p. 111]. Величественные короны Мондзю, считавшегося сподвижником Будды Шакьямуни, а также будды будущего, но пока еще бодхисаттвы, Мироку свидетельствуют о значительности и исключительности этих персонажей в сонме буддийских божеств.

Корона пяти мудростей 五智宝冠 *готихо:кан* принадлежит будде Дайнити [Кумада Юми-ко, 2006, с. 96]. На ее пластинах выгравированы фигуры будд пяти мудростей: Дайнити, Асюку, Хо:сё:, Амида, Фукудзё:дзю:. Корона *готихо:кан* также характерна для бодхисаттвы Кокудзо: [Танака Ёсиясу, 2009, с. 164].

Исторический будда Шакьямуни, в основном изображавшийся с шиньоном из ровных мелко завитых волос 螺髮 *рахоцу*, в скульптуре периода Камакура обрел роскошную, царскую корону и стал именоваться Хо:кан Сяка, т. е. Шакьямуни в короне (рис. 2, 4)⁴. Боковыми продолжениями торжественной короны стали заостренные в верхней части пластины, с которых спускались металлические ленты и подвески с цветами, повторяющими узор нагрудного украшения Будды. Изящные линии орнамента придавали ему живописность, усиливая величавый пафос короны. Считается, что корона на голове Будды испускает световые лучи, а сила, заключенная в них, есть воплощение мистических чудотворных формул 陀羅尼 *дарани*.

³ Виды корон Мироку разнообразны: их могут украшать фигурки пяти будд, а также пагода.

⁴ Это не единственное изображение Шакьямуни в короне. Похожее есть в храмах Мансё:дзи (г. Йокосука), Хо:ко:дзи (г. Хамамацу) и др.

Заключение

Буддийская скульптура в храмах предстает в многообразии и значительности своих проявлений. Российский буддолог О. О. Розенберг в лекции «О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке», прочитанной в Петрограде в 1919 г. на первой буддийской выставке, говорил: «Расположение рук, предметы при изображении, группировка изображений – всё это имеет точное значение, это, в сущности, изображение в картинках того же, о чем говорит буддийская отвлеченная философия, – это же учение о спасении от оков бытия» [Розенберг, 1991, с. 32]. Наибольшее число атрибутов сосредоточено в сорока руках⁵ Тысячерукой Каннон (храм Тосё:дайзи, г. Нара и храм Кудзуидзи, г. Осака).

Корона – один из самых значительных атрибутов буддийских персонажей, указывала на их божественное происхождение, связь с космосом и статус в мире божеств. Она воспринималась как само солнце, а зубцы ассоциировались с его лучами, символизируя лучезарность и славу, олицетворяя высшую мудрость и просветление. Пространство над короной часто украшалось фигурками божеств с буддой Амида посередине 頂上仏 *tjō:dzj:буцу*, взвешивающего прегрешения. И атрибуты в руках, и короны на головах божеств занимают важное место в структуре буддийской иконографии.

Скульптура как некий невербальный текст через символы открывает знания о сути буддийского учения. Их освоение и исчерпывающее объяснение затруднены наличием в атрибутах тайного смысла, эзотеричности. Каждый элемент текста, прочитанный как знак, оказывает воздействие на ум и сердце, а множественность атрибутов усиливает духовную глубину образа. Устойчивая символика иконографического канона раскрывает своеобразные грани японской скульптуры, в которой ярко продемонстрирована спаянность религии и искусства. Осознание верующими символической наполненности атрибутов способствует созданию в храме особой атмосферы причастности к происходящему событию, вовлеченности в действие и настраивает на общение с божеством.

Список литературы

- Войтишек Е. Э., Яо С. Курильницы *бошаньлу* в ароматической культуре Китая: символика и социальные функции // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10, вып. 4. С. 510–524. DOI 10.21638/spbu13.2018.408
- Есипова М. В. Сокровенные смыслы музыкальной иконографии киотоского храма Сандзю-сангэндо // Япония. 2014. Ежегодник. М.: Аиро-XXI, 2014. С. 224–243.
- Есипова М. В. Уникальный образ Гаруды-«музыканта» в японской буддийской иконографии // Японские исследования. 2018. № 3. С. 6–33. DOI 10.24411/2500-2872-2018-10017
- Кравцова М. Е. Иконографические принципы буддийского изобразительного искусства // Духовная культура Китая. М.: Вост. лит. РАН, 2010. Т. 4. С. 178–200.
- Кужель Ю. Л. XII веков японской скульптуры. М.: Прогресс-Традиция. 2018. 455 с.
- Розенберг О. О. О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке. М.: Наука, 1991. 295 с.
- Kobayashi Takeshi. Nara Buddhist Art: Todaiji. Tokyo, Heibonsha, 1975, vol. 5, 157 p.
- Mizuno Seiichi. Asuka Buddhist Art. Horyu-ji. Tokyo, Heibonsha, 1974, vol. 4, 172 p.
- Mori Hisashi. Sculpture of the Kamakura Period. Tokyo, Heibonsha, 1974, vol. 11, 174 p.
- Mori Hisashi. Japanese Portrait Sculpture. Tokyo, Shibundo:, 1977, 150 p.
- Буцудзо: тампо: [佛像探訪]. Исследования буддийской скульптуры. Токио: Эйсюпанся, 2011. 144 с. (на яп. яз.)
- Кумада Юмиго. Буцудзо:-но дзитэн [熊田由美子。佛像の辞典]. Энциклопедия буддийских скульптур. Токио: Сэйбидо:, 2006. 159 с. (на яп. яз.)

⁵ Каждая из рук ассоциируется с двадцатью пятью.

- Мё:о:дзо:-но субэтэ [明王像のすべて]. Все скульптуры светлых царей. Токио: Эйсюппанся, 2014. 125 с. (на яп. яз.)
- Нисимура Котё, Огава Кодзо.** Буцудзо:-но мивакэката [西村公朝、小川光三。仏像の見分け方]. Изучение буддийской скульптуры. Токио: Синтёся, 2009. 119 с. (на яп. яз.)
- Нёрайдзо:-но субэтэ [如来像のすべて]. Все скульптуры будд. Токио: Эйсюппанся, 2013. 144 с. (на яп. яз.)
- Сакураи Мэгуму.** Сикоку хэнро [桜井恵。四国遍路]. Паломники Сикоку. Токио: NHK шюппан, 2008. 290 с. (на яп. яз.)
- Танака Ёсиясу.** Буцудзо:-но сэкай [田中義恭。仏像の世界]. Мир буддийской скульптуры. Токио: Нихонбунгэйся, 2008. 255 с. (на яп. яз.)
- Тэн-но буцудзо:-но субэтэ [天の仏像のすべて]. Все скульптуры небесных государей. Токио: Эйсюппанся, 2013. 123 с. (на яп. яз.)

References

- Butsuzō tanpō [仏像探訪]. Buddhist Sculpture Studies. Tokyo, Eishuppansha, 2011, 144 p. (in Jap.)
- Esipova M. V.** Sokrovennye smysly muzykal'noi ikonografii kiotoskogo khrama Sanjusangendo [Secret Meanings of the Musical Iconography of Sanjusangendo Temple in Kyoto]. In: Yaponiya 2014. Yearbook. Moscow, Airo-XXI, 2014, pp. 224–243. (in Russ.)
- Esipova M. V.** Unikalnyi obraz Garudy-“musykanta” v Yaponskoi buddiiskoi ikonografii [Unique image of Garuda-“musician” in Japanese Buddhist iconography]. *Yaponskie issledovaniya [Japanese Studies]*, 2018, no. 3, pp. 6–33. (in Russ.) DOI 10.24411/2500-2872-2018-10017
- Kobayashi Takeshi.** Nara Buddhist Art: Todaiji. Tokyo, Heibonsha, 1975, vol. 5, 157 p.
- Kravtsova M. E.** Ikonograficheskie printsipy buddiiskogo izobrazitel'nogo iskusstva [Iconographic Principles of Buddhist Art]. In: Dukhovnaya kul'tura Kitaya. Moscow, Vost. lit. RAN, 2010, vol. 4, pp. 183–200. (in Russ.)
- Kumada Yumiko.** Butsuzō-no jiten [熊田由美子。仏像の辞典]. Encyclopedia of Buddhist Sculptures. Tokyo, Seibidō, 2006, 159 p. (in Jap.)
- Kuzhel Yu. L.** XII vekov yaponskoi skul'ptury [XII centuries of the Japanese sculpture]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2018, 496 p. (in Russ.)
- Mizuno Seichi.** Asuka Buddhist Art. Horyu-ji. Tokyo, Heibonsha, 1974, vol. 4, 172 p.
- Mori Hisashi.** Japanese Portrait Sculpture. Tokyo, Shibundō, 1977, 150 p.
- Mori Hisashi.** Sculpture of the Kamakura Period. Tokyo, Heibonsha, 1974, vol. 11, 174 p.
- Myōōzō-no subete [明王像のすべて]. All sculptures of Light Sovereigns. Tokyo, Eishuppansha, 2014, 125 p. (in Jap.)
- Nishimura Kocho, Ogawa Kozo** [西村公朝、小川光三。仏像の見分け方]. How to distinguish Buddha statues. Tokyo, Shinchōsha, 2009, 119 p. (in Jap.)
- Nyoraizō no subete [如来像のすべて]. All of the Buddha statue. Tokyo, Eishuppansha, 2013, 144 p. (in Jap.)
- Rozenberg O. O.** O mirosozertsanii sovremennogo buddizma na Dal'nem Vostoke [On the world-view of modern Buddhism in the Far East]. Moscow, Nauka, 1991, 295 p. (in Russ.)
- Sakurai Megumu.** Chikoku henro [桜井恵。四国遍路]. Shikoku Pilgrimage. NHK shuppan, 2008, 290 p. (in Jap.)
- Tanaka Yoshiyasu.** Butsuzō-no sekai [田中義恭。仏像の世界]. The world of Buddha sculptures. Tokyo, Nihonbungeisha, 2008, 255 p. (in Jap.)
- Ten no butsuzō-no subete [天の仏像のすべて]. All sculptures of Heavenly kings. Tokyo, Eishuppansha, 2013, 123 p. (in Jap.)
- Voytishek E. E., Yao S.** Kuril'nitsi *boschan'lu* v aromaticeskoy kul'ture Kitaya: simvolika i sotsial'nye funktsii [Boshanlu censors in China's incense culture: Symbols and social functions].

Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika, 2018, vol. 10, no. 4, pp. 510–524. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu13.2018.408

Информация об авторах

Юрий Леонидович Кужель, доктор искусствоведения, профессор

RSCI Author ID 358813

SPIN 5272-7840

Татьяна Иосифовна Бреславец, кандидат филологических наук, профессор

RSCI Author ID 171019

SPIN 6586-3788

Information about the Authors

Yurii L. Kuzhel, Doctor of Sciences (Art History), Professor

RSCI Author ID 358813

SPIN 5272-7840

Tatiana I. Breslavets, Candidate of Sciences (Philology), Professor

RSCI Author ID 171019

SPIN 6586-3788

*Статья поступила в редакцию 12.03.2022;
одобрена после рецензирования 03.09.2022; принята к публикации 30.09.2022
The article was submitted on 12.03.2022;
approved after review on 03.09.2022; accepted for publication on 30.09.2022*